

С Е Р И Я

Э К О Н О М И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

INVISIBLE HANDS,
RUSSIAN
EXPERIENCE, and
SOCIAL SCIENCE

*Approaches to Understanding
Systemic Failure*

STEFAN HEDLUND

НЕВИДИМЫЕ РУКИ, ОПЫТ РОССИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА

*Способы объяснения
системного провала*

СТЕФАН ХЕДЛУНД

Перевод с английского
Н.В. АВТОНОМОВОЙ

под научной редакцией
В.С. АВТОНОМОВА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2015

УДК 330.1
ББК 65.011
Х35

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
ВЛАДИМИР АВТОНОМОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Хедлунд, С.

Х35 Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н. В. Автономовой; под науч. ред. В. С. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 424 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1003-2 (в пер.).

В этой книге исследуются ситуации, в которых деятельность на национальном и международном уровнях приводит к катастрофическим последствиям, а сложные аналитические модели общественной науки оказываются при этом совершенно бесполезными. Автор исследует такие примеры, как глобальный финансовый кризис, провал попыток добиться быстрых системных изменений в странах бывшего СССР, а также неспособность достичь развития в странах третьего мира. Анализируя многовековую российскую историю и недавний опыт столкновения России с ничем не ограниченным капитализмом, автор призывает к разработке подхода, основанного на так называемом новом институционализме. Он показывает, что для понимания причин системного провала требуется подход, который объединял бы разобщенные подразделы общественной науки, тяготеющие ко все большей специализации. Утверждая, что ради роста теоретической утонченности общественным наукам пришлось поступиться широтой подхода и чуткостью к роли культурно-исторической специфики разных стран, книга убеждает нас в необходимости найти новый способ моделировать мотивы человеческой деятельности.

УДК 330.1
ББК 65.011

ISBN 978-5-7598-1003-2 (рус.)
ISBN 978-0-521-76810-8 (англ.)

© Stefan Hedlund 2011
Published by the Press Syndicate
of the University of Cambridge, 2011.
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей школы
экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ.....	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	17
ВВЕДЕНИЕ.....	29
НЕВИДИМЫЕ РУКИ.....	35
Когда жадность была добродетелью	35
Кризисы капитализма.....	43
ОПЫТ РОССИИ	51
ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ	56
I. ВОЗМОЖНОСТИ И СОБСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС.....	59
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ РАЗЛОМА	62
ЛИДЕРЫ И ОТСТАЮЩИЕ	67
Почему некоторые бедняки остаются бедными	77
II. ПРЕДМЕТ И ТРАДИЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ.....	88
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	91
НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.....	101
От Смита к Маршаллу.....	103
Возражения против неоклассической теории.....	108
«ВОЙНА ПЛЕМЕН».....	115
Экономика и общество?	116
Порядок клевания	125
III. РЫНКИ В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ	130
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПУТАНИЦА.....	132
СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА.....	139
Утопические проекции.....	140
Управление экономикой	144

КОМАНДНАЯ ЭКОНОМИКА	152
Правила игры	153
Механизмы инструмента	158
Эндогенная адаптация	159
ВОСПРИЯТИЕ, ПРИОРИТЕТЫ И СПОСОБНОСТЬ К РЕФОРМАЦИИ	164
 IV. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ.....	173
РОССИЯ — ДРУГАЯ	175
МАТРИЦА МОСКОВИИ	179
Возникновение самодержавия	180
Условные права собственности	182
Правовое регулирование	184
Принудительная мобилизация	186
РЕФОРМА И ВОЗВРАТ К СТАРЫМ ПОРЯДКАМ	188
Петр I	189
Послепетровская эпоха	193
По направлению к революции	198
СОВЕТСКИЙ ПОРЯДОК	200
ИЗ ПЕПЛА	204
 V. ПОВСЕМЕСТНЫЕ РЫНКИ.....	210
НАСЛЕДИЕ АДАМА СМИТА.....	211
СОЦИАЛЬНО СКОНСТРУИРОВАННЫЕ РЫНКИ	217
Рост рынка	218
Средиземноморские примеры	222
Роль хорошего государственного управления	226
Неформальный сектор	229
РЫНКИ И ИЕРАРХИИ	232
Вертикальная интеграция	234
Внутри иерархической структуры командной экономики	237
ОТ НЬЮТОНА ДО УИЛЬЯМСОНА.....	243

VI. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР.....	247
ИСТОРИЯ УСПЕХА.....	250
Деятельность или эволюция?	251
Вехи «восхождения Запада»	254
ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА	262
ПОВЕДЕНИЕ, УПРАВЛЯЕМОЕ НОРМАМИ.....	272
СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.....	282
VII. ИСТОРИЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ	287
ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА.....	290
Неоклассическая парадигма	291
Зависимость от пути	293
Историческая экономическая теория	298
Воскрешение старого институционализма.....	302
НОВЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЫ.....	309
Институционализм рационального выбора	311
Социологический институционализм	315
Исторический институционализм.....	318
И ВНОВЬ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПУТИ	323
VIII. ЗАВЕРШАЯ ДИСКУССИЮ	333
ЖАДНОСТЬ И ФИНАНСОВЫЕ КРИЗИСЫ.....	334
ПРОБЛЕМА ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ.....	340
ВЕРНЕМСЯ К ОПЫТУ РОССИИ	353
IX. ВЫВОДЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ	365
ПОНИМАНИЕ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ.....	366
ПРОБЛЕМЫ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПУТИ	369
СУТЬ ПРОБЛЕМЫ.....	373
НАМЕЧАЯ НОВЫЙ КУРС.....	381
БИБЛИОГРАФИЯ.....	397

Посвящается Лилиан — с любовью, как всегда

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Когда в начале 2011 г. увидело свет первое — англоязычное — издание этой книги, глобальная экономика подавала признаки восстановления. Многие верили, что худшая стадия ипотечного кризиса, начавшегося в США, миновала. Мало кто был готов предсказать, что идет вторая волна рецессии, спровоцированная европейским долговым кризисом. Сегодня мы имеем дело с американско-европейским финансовым кризисом, который все еще далек от завершения. Этот кризис дорого обошелся глобальной экономике, а также населению, которое вынуждено жить в условиях программ строгой экономии.

Когда я садился писать предисловие к первому изданию, перело мной была книга, в которой много внимания уделялось глобальному финансовому кризису, начавшемуся в США осенью 2008 г. В центре внимания книги был тот факт, что экономическая теория оказалась не способна ни должным образом концептуализировать причины этого кризиса, ни предложить действенное решение. Я успел написать о кризисе, разразившемся в Греции весной 2010 г. и потребовавшем финансовой помощи в размере 110 миллиардов евро; эта сумма была собрана совместными усилиями Брюсселя и Международного валютного фонда. Однако в то время я не хотел рассуждать о грядущей фрагментации еврозоны и о кризисе самого евро.

Сейчас, когда я пишу предисловие к русскоязычному изданию, для таких рассуждений настало самое время. В ответ на растущий скептицизм по отношению к евро в Великобритании британский премьер-министр Дэвид Кэмерон предложил провести референдум о том, не нужно ли Великобритании просто выйти из Европейского союза. Найджел Лоусон, служивший финансовым секретарем казначейства при Маргарет Тэтчер (с 1983 по 1989 г.), высказался еще резче: он потребовал, чтобы Великобритания вышла из ЕС просто потому, что попытки отвоевать у Брюсселя отданную ему власть обречены на провал. Хотя в 1975 г. Лоусон выступил за присоединение к ЕС, сегодня он считает его «бюрократическим монстром», которого полностью преобразил долговой кризис.

В Германии все чаще можно услышать, что отказ от немецкой марки был ошибкой, и пришло время сделать выводы. Бывший министр финансов Германии Оскар Лафонтен в 1999 г. активно выступал за объединение Европы и общую валюту, а ныне публично отказался от своего прежнего мнения и открыто призвал Германию отказаться от евро. Сегодняшняя траектория развития ведет ни много ни мало к катастрофе.

Хотя пока непонятно, чем ситуация закончится, сейчас происходит поразительная политическая трансформация. Введение евро было, возможно, одним из самых амбициозных проектов в глобальной финансовой истории. Потенциальные преимущества в то время считались громадными, а национальные протестные движения жестко подавлялись. Если спустя менее двадцати лет беспокойного существования этот проект закончится провалом, это приведет не только к колоссальному политическому позору. Это также приведет к громадным затратам для всех европейских стран, которым придется заново воссоздавать свои национальные валюты.

В отличие от понятия «провал» в самом широком смысле, понятие «системный провал», о котором столько написано в этой книге, связано с проблемами системной реакции на события. Прежде всего оно касается способности общественных наук, особенно экономической теории, концептуализировать причины кризисов и находить действенные способы решения проблем. Начиная с момента наступления ипотечного кризиса, экономическая политика и рекомендованные экономистами меры выхода из ситуации выглядят крайне неутешительно. Началось все с отрицания проблемы и надежд на то, что рынки самостоятельно справятся с ситуацией, а продолжилось *ad hoc* вмешательством в экономику и временными мерами, о последствиях которых мало кто задумывается.

Анализируя произошедшее, мы можем проследить за вирусным распространением греческого кризиса в другие страны Европейского союза. Страны, пострадавшие сильнее всего, стали называться явно уничижительным термином «государства PIIGS» (то есть Португалия, Италия, Ирландия, Греция и Испания). В то время как оказать финансовую помощь Греции было еще подъемно, после принятия решения о ее выкупе многие ясно осознали, что полноценный кризис в крупной стране,

такой как Испания или особенно Италия, окажется просто губительным и предположительно способен даже привести к развалу еврозоны.

Однако важно то, что вне этого осознания мало кто задумался о том, что привело к кризису и как можно преодолеть системный провал. Стандартная экономическая наука продолжает настаивать на универсальности своих принципов и на практической неактуальности культурной и институциональной специфики. Хотя все больше людей постепенно понимают, что пострадавшие от кризиса страны, возможно, слишком сильно различались между собой, чтобы успешно интегрироваться в зону единой валюты, однако мало кто понимает, каким образом различия между странами можно концептуализировать, и как это должно повлиять на экономическую политику.

Вплоть до того, как кризис разразился на Кипре, общепринятый подход заключался в том, что страна, нуждавшаяся в финансовой помощи, сначала должна была представить план принятия мер строгой экономии, который бы возлагал бремя корректировки на все население. Очевидная альтернатива — позволить кредиторам взять на себя часть издержек, связанных с выдачей рискованных кредитов, — отмечалась как угроза стабильности финансовой системы. Угроза недобросовестности при таком положении дел должна быть очевидной.

По сути, происходило то, что нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц назвал приватизацией прибыли и социализацией убытков. Вначале рынки демонстрируют полную готовность наживаться на дивидендах от выдачи рискованных кредитов с высокой процентной ставкой. Затем, когда рискованность этих кредитов оборачивается реальностью, они бросаются к налогоплательщикам, требуя финансовой помощи. Учитывая, что принятие чрезмерно рискованных решений вообще-то было одной из существенных причин глобального финансового кризиса, кажется не слишком мудрым поощрять такое поведение. Институциональное обучение тому, что, по сути, можно свести к прибыльной и лишённой риска деятельности, происходит одновременно быстро и эффективно.

Финансовая помощь, которую в итоге решено было оказать Кипру, была первым случаем отхода от этой практики. Мерам строгой экономии сопутствовал частичный арест средств, нахо-

дившихся на частных банковских счетах, что стало называться термином «bail-in». Поскольку до кризиса Кипр служил одновременно безопасной гаванью для русских денег и крупным прямым зарубежным инвестором в российскую экономику, России пришлось взять на себя существенную часть издержек кипрской стабилизации. Само собой, Россия не была этому рада.

Одновременно с этим ухудшающаяся обстановка в еврозоне очевидным образом не способствовала крайне необходимому восстановлению американской экономики. Американский государственный долг продолжал увеличиваться, и сегодня его фактическая сумма содержит столько нулей, что ее трудно прочесть. Конгресс продолжает придерживаться политики отрицания проблемы, что заводит страну в спорадические бюджетные тупики, такие как «фискальный разрыв» в начале 2013 г., и вызывает растущее недовольство Вашингтоном со стороны населения. Поскольку перспектив сбалансированного федерального бюджета все еще не заметно, очевидно, что экономике страны наносится долгосрочный ущерб.

Эти события можно рассматривать с двух точек зрения. Можно смотреть на политические конфликты, рождающиеся по мере того, как накапливаются социальные издержки принятых мер экономии, а пострадавшее население пытается найти козла отпущения. Та ярость, которую выказывают многие греки по отношению к Германии, является только частью истории. Перед нами маячит самый настоящий призрак возвращения в Европу 1930-х годов, где по улицам маршируют левые и правые. Все подготовлено для такого развития событий. В то время как ксенофобские партии наживаются на ситуации, сообщество, формирующее экономическую политику, никак не может прийти к согласию о том, что же нужно делать.

Нобелевский лауреат Пол Кругман занял позицию безжалостного критика мер жесткой экономии, которые приводят к массовой безработице. Его предостережения приводят на ум старую поговорку о том, что, оказавшись в яме, нужно прежде всего перестать копать. У нас есть серьезные основания беспокоиться о социальных издержках. В некоторых странах возник ощутимый риск воспитания потерянного поколения. Весной 2013 г. в Греции и Испании безработными были трое из пяти молодых людей в возрасте до 25 лет. Нам еще предстоит уви-

деть, приведут ли те меры, которые должны спасти еврозону, к смерти пациента. Однако системный провал больше нельзя игнорировать.

С более общей точки зрения мы можем волноваться о том, что дурную репутацию заработает само понятие либеральной рыночной экономики и дерегулированных финансовых рынков. Это не только проложит дорогу новым мерам государственного контроля, которые могут помешать экономическому росту. Развивающиеся страны, которые когда-то смотрели на США и ЕС как на лидеров и рассматривали западную систему как модель для подражания, уже начали от них отворачиваться. С учетом быстрого роста стран БРИКС баланс сил и влияния в «большой двадцатке» в настоящее время меняется.

Понятно, что сейчас еще слишком рано говорить о закате «западной модели», однако уже есть все основания беспокоиться об относительном значении экономического либерализма в противовес экономическому авторитаризму, а также о жизнеспособности частной предпринимательской деятельности под растущим гнетом государственного капитализма. Общественные науки в целом и экономическая теория в частности должны как следует поработать, если хотят сохранить элемент релевантности в анализе экономической политики. Перечисленные обстоятельства вызывают глубокую тревогу, но и это еще не все. Как говорится в предисловии к англоязычному изданию, наше понимание системного провала не ограничивается финансовыми кризисами. Параллельно теме кризисов в книге развивается тема роли социальной науки в нахождении и осуществлении политических мер, направленных на достижение системных изменений путем внешнего вмешательства.

Начатые США вторжения в Ирак и Афганистан в свое время рассматривались как средство распространения либеральной демократии и основанной на правилах рыночной экономики. Сегодня они остаются напоминанием о том, что может случиться, если формировать политику, исходя из ошибочного понимания институционального контекста.

Дорого заплатив за возможность посмотреть на ситуацию с высоты накопленного опыта, мы должны бы сегодня понимать, что глубоких институциональных изменений нельзя добиться путем прямых внешних действий, не важно, что для этого ис-

пользовать: крылатые ракеты и вооруженное вторжение или условия получения крупных кредитов и другие «пряники». События, последовавшие за подобными попытками, наглядно доказали их несостоятельность, а «цветные революции» показали, насколько ограничены внутренние меры достижения тех же целей.

Когда эта книга отправлялась в печать, только-только началась «арабская весна», спровоцированная самосожжением отчаявшегося тунисского торговца фруктами в декабре 2010 г. Вдохновленные тем, что получило название «жасминовая революция», активисты в Египте и Ливии последовали примеру Туниса, организовав собственные «революции». В то время как египетский переворот привел к смене режима и победе партии «Братья-мусульмане», ливийский привел к кровавой гражданской войне, которая, в свою очередь, стала причиной внешнего вооруженного вторжения — вначале с воздуха, а затем путем тайной наземной операции. Хотя в то время эта военная операция считалась успешной, когда пожар перекинулся в Сирию, остальной мир не смог решиться на продолжение вооруженного вмешательства. Кроме того, международное сообщество не могло прийти к консенсусу о том, насколько мудрым будет такое вмешательство. Россия выдержала вторжение войск НАТО в Ливию, но резко выступила против повторения этой ситуации в Сирии.

Глядя на события по прошествии времени, мы можем заключить, что, хотя режимы сменились, а диктаторы были свергнуты и в некоторых случаях даже убиты, мечты о либеральной демократии и основанной на правилах рыночной экономике в странах, затронутых «арабской весной», остаются не более реалистичными, чем в Ираке и Афганистане. Чем все закончится, еще неясно, однако системный провал уже очевиден.

Основной урок, который нам нужно запомнить: внезапная революция представляет собой нечто совершенно отличное от постепенной институциональной эволюции. В то время как революцию можно совершить путем внешних действий, институциональная эволюция происходит только как побочный продукт другой деятельности, чаще всего совершенно неожиданным образом. Значение этого наблюдения связано с тем фактом — его часто подчеркивает современная институциональная

теория, — что именно неформальные нормы обеспечивают легитимность формальным правилам. Если формальное создание правил путем прямых действий отклоняется слишком далеко от траектории эволюции неформальных норм, негативные последствия не замедлят себя ждать.

Идеальным примером подобной ситуации служит цепочка событий, последовавших за распадом СССР. В то время не только считалось, что Россия стремительно перейдет к либеральной демократии и основанной на правилах рыночной экономике, но и ожидалось, что Европа будет переформирована в Европейский союз с общей конституцией, общей валютой и общим самосознанием. Сегодня трудно сказать, которая из этих двух надежд обернулась большим разочарованием, однако заметно много общего между неспособностью политических мер должным образом концептуализировать проблемы и предложить адекватные меры для исправления ситуации.

В предисловии к этой книге я цитирую двух авторов, принадлежащих к двум разным эпохам. Один из них — Амартия Сен, который рассматривал начало глобального финансового кризиса как повод для всех экономистов усомниться в природе современного капитализма и задуматься о том, какой тип экономической теории мог бы справиться с насущными проблемами. Другой — Лайонел Роббинс, который уже в 1952 г. заявил, что преследование собственных интересов, не ограниченное правильными институтами, не гарантирует ничего, кроме хаоса. Пока такие выдающиеся акторы, как Всемирный банк, занимаются самокопанием, пытаюсь понять, что пошло не так, эти два автора указывают, на что нужно обратить внимание.

В тот момент, когда это издание отправляется в печать, русские экономисты поголовно приближаются к консенсусу о том, что стратегия роста на основе природных ресурсов себя исчерпала, и стране нужна новая модель роста. О необходимости фундаментальной диверсификации российской экономики постоянно твердят внешние наблюдатели и организации, и все больше россиян начинают соглашаться с этим. Однако мало кто готов подробно объяснить, что именно это значит и что именно надо делать.

О достоинствах диверсификации по сравнению с ростом на основе природных ресурсов можно говорить с технической точ-

ки зрения сравнительного преимущества. Однако к проблеме причин пандемической коррупции и в целом отвратительного инвестиционного климата нельзя подойти, не учитывая роли неформальных институтов. Это вновь возвращает нас к разнице между революцией и эволюцией, к пониманию того, что границы и результаты вмешательств на основе деятельностного подхода будут ограничиваться неформальными институтами, роли и происхождение которых остаются неясными, если не сказать покрытыми тайной.

Системный провал европейской интеграции и российского перехода к рыночной экономике с этой точки зрения можно рассматривать и как системный провал общественной науки. Рост специализации и сложности теорий обернулся худшим пониманием контекста и сниженной чуткостью к критически важной роли специфики каждой страны — к тому культурному и историческому наследию, которые заставляют разные страны так по-разному реагировать на одинаковые внешние потрясения и/или вмешательства. В результате этого размена мы наблюдаем близорукость и неважные политические рекомендации.

Эта книга не ставит целью ни найти решения сегодняшних кризисов, ни даже ответить на вопросы о релевантности теории. Ее скромная задача — предложить читателю пищу для размышлений. Рассматривая сегодняшние кризисы в контексте эволюции теорий социальной науки, начиная с европейского Просвещения, книга призывает ученых расширять горизонты и выходить за узкие рамки отдельных научных дисциплин. Возможно, в какой-то небольшой степени это поможет и той дискуссии о возможных путях развития, которая ведется сейчас в России.

Автору остается только выразить благодарность Владимиру Автономову за его дружбу и помощь при переводе книги на русский язык и надеяться, что потенциальные рецензенты, обнаружив в книге неизбежные недостатки и огрехи, проявят *milost*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иногда планы проваливаются, а предпринятые действия приводят к непредвиденным последствиям. В этом нет ничего примечательного. Все, что пошло не по плану, обычно исправляется само собой, а непредвиденные последствия, как правило, можно компенсировать дополнительными действиями. Идея этой книги выросла из осознания того, как важны для общественных наук случаи, в которых этого не происходит, то есть случаи настолько запущенные, что системные механизмы самокоррекции с ними не справляются, и аналитические модели социальной науки оказываются бесполезными.

Основная идея книги заключается в том, что такие выдающиеся случаи системного провала представляют собой последовательность неких событий, соединенных причинно-следственными связями, и, чтобы понять эти связи, необходимо учесть множество факторов, которые в полном объеме больше не может охватить ни один из узкоспециализированных подразделов современной общественной науки. Причины этого просты и связаны с компромиссом: постоянно усложняя теорию, мы вынуждены поступиться шириной подхода, а также восприимчивостью к неоднозначной роли культурно-исторической специфики. Когда мы рассматриваем рутинные незначительные изменения, преимущества подобного подхода перевешивают его издержки. Однако в случае крупномасштабных общественных трансформаций, которые заканчиваются системным провалом, мы сталкиваемся с проблемой: теоретическая сложность науки вселила в ученых чрезмерную уверенность в непогрешимости ее предсказаний, а также в способность политических мер достигать намеченных целей.

Чтобы проиллюстрировать эти достаточно смелые заявления, вспомним падение Берлинской стены — событие, которое многие восприняли как начало новой эпохи. Ожидалось, что последствия окончания «холодной войны» будут самыми лучшими: высвободятся средства, которые уходили на гонку вооружений, случится выгодный для всех переход от плановой к рыночной экономике, сформируется обстановка плодотворного международного сотрудничества, и, что особенно важно,

Европа, не разделенная больше железным занавесом, начнет играть в мире новую роль.

Памятный момент для всех, кто ожидал увидеть Европу в новой роли, наступил в декабре 1991 г. На собрании в небольшом голландском городе Маастрихте европейские лидеры гордо согласились запустить свой великий проект строительства Европейского союза (ЕС). Негласно задумывавшийся как Соединенные Штаты Европы, ЕС должен был не только иметь собственный парламент, собственное правительство и конституцию. Самое главное, что должно было быть у ЕС, — это собственная валюта, контролируемая Европейским центральным банком. Это решение должно было положить конец тому времени, когда Генри Киссинджер язвил насчет отсутствия номера, по которому можно было бы позвонить в Европу.

За двадцать лет, прошедших с объединения Германии в октябре 1990 г., Европе пришлось выучить два важнейших и крайне болезненных урока. Первый заключался в том, на что я уже намекал: ошибки не всегда исправляют себя сами, во всяком случае, не с желательными последствиями. Так, например, хотя дерегулирование необходимо для работы рыночной экономики, оно не гарантирует результата в виде хороших экономических показателей. Хотя проведение выборов необходимо для работы демократической системы, оно не гарантирует результата в виде демократии. Второй урок заключается в том, что, даже если власти признают, что политическое вмешательство иногда бывает совершенно необходимым, оказывается, что они существенно ограничены в своих целях, кроме того, они сильно рискуют получить в результате своих действий совсем не те результаты, к которым стремились.

Оба эти урока на первый взгляд могут показаться довольно тривиальными. Однако немало печальных событий, происходящих в этом мире, происходят именно из-за пренебрежения глубинным смыслом этих уроков. В качестве примеров мы рассмотрим четыре катастрофических события, случившихся в период с 1991 по 2010 г. Все они подтверждают, что назрела необходимость что-то изменить не только в экономической политике, но и в тех общественных науках, которые утверждают, что являются основой формирования правильной политики и строительства хорошего общества.

Первый из примеров — внезапный распад Советского Союза, в мгновение ока изменивший всю архитектуру глобальной безопасности. Этот распад принес с собой конец трех искусственно созданных федераций (помимо самого СССР, еще и Югославии и Чехословакии), приведя к расторжению Варшавского договора о военном сотрудничестве, а также к роспуску Совета Экономической Взаимопомощи, образованного социалистическими государствами, находившимися в сфере влияния Советского Союза. Последовавший за этим процесс адаптации представлял для нас интерес с двух сторон.

Непосредственным последствием «демократических революций», прокатившихся по Центральной Европе, стали громкие призывы к национальному самоопределению. Когда-то эти призывы прославил Вудро Вильсон, озвучив свои знаменитые четырнадцать пунктов в Конгрессе США. Теперь они стали ассоциироваться с жестким национализмом, который в отдельных случаях привел к этническим конфликтам, этническим зачисткам и кровавым гражданским войнам. С учетом той очевидно инструментальной роли, которую сыграли в этом процессе культурно-исторические особенности (временами с катастрофическими последствиями), урок заключался в том, что построение государства не такой уж легкий процесс, и очевидно не такой процесс, который можно пускать на самотек.

Второй аспект не так нагляден, как первый, однако амбициозный переход от централизованного планирования и коммунизма к рыночной экономике и капитализму — перестройка — также оказался куда более сложным процессом, чем предполагалось. Конец советской власти ознаменовал собой конец устоявшегося общественного порядка, основой которого были институты, созданные, чтобы подавлять демократию, рыночную экономику и правовое регулирование. Те, кто верил, что для восстановления после советской власти достаточно провести системную перезагрузку, не учли, что со временем эти институты обросли нормами, верованиями и ожиданиями, которые к моменту распада СССР глубоко укоренились среди населения. Таким образом, эти институты не поддавались прямолинейной коррекции путем простого изменения формальных правил игры.

Второй из наших четырех примеров — это вторжение в Ирак в марте 2003 г., возглавленное США. Будучи нарушением норм

международного права (вероятно), оно также послужило источником глубокого раскола в союзе западных стран (несомненно). Даже игнорируя разговоры о том, лежала ли в основе этого конфликта нефть, нельзя усомниться, что те, кто выступал за начало операции, преследовали цели более амбициозные, чем избавление мира от Саддама Хусейна и от того оружия массового уничтожения, которым он предположительно владел.

Амбициозная идея заключалась в том, чтобы внедрить в Ираке демократию и тем самым принудить остальные деспотические режимы арабского мира последовать его примеру. После этого по миру должна была прокатиться новая волна демократизации, идущая рука об руку с появлением успешных рыночных стран, обещающих соблазнительные возможности для нового бизнеса. Как нам теперь известно, события развивались не совсем по плану. Реальными последствиями вторжения стали усиление Ирана, дестабилизация Пакистана, углубление и без того глубокого ближневосточного конфликта, а также увеличение роли «Аль-Каиды».

Вывод, который можно сделать из этой ситуации, вновь связан с ролью культуры и истории: как детерминант функционирования клановых обществ и как движущие силы того глубокого антагонизма, который существует между исламскими и западными странами. Ставка была сделана на предполагаемую универсальность западных ценностей. Считается, что все страны мира охотно приняли бы тот общественный порядок, который установился в Западной Европе, Северной Америке и еще в нескольких странах, будь у них только такая возможность. События, развернувшиеся в Ираке, ставят под сомнение некоторые воистину фундаментальные идеи общественной науки. В соответствии с популярными деятельностным и функциональным подходами оставалось лишь предоставить Ираку соответствующую возможность, чтобы события сами собой начали складываться наилучшим образом. Расчет не оправдался, и нужно подумать, чему это нас учит.

Третий пример — глобальный финансовый кризис, разразившийся в сентябре 2008 г. и начавшийся, как принято считать, с краха почтенной инвестиционной фирмы Lehman Brothers. Шок и ужас, последовавшие за кризисом, открыли нам глаза на то, насколько близоруко смотрят на мир финансовые рынки и

правительственные организации, ответственные за управление экономической политикой и за контроль над ней. Бесценное время, потраченное на споры о том, действительно ли происходящее является кризисом, можно считать первым намеком на цену, которую в итоге пришлось заплатить за непонимание работы рынков.

Кризис разразился в результате сочетания жестких и мягких факторов. К жестким факторам можно отнести законодательные инициативы, разработанные для того, чтобы освободить рынки и предположительно улучшить показатели их деятельности. Хотя эти законы были необходимым условием наступления кризиса, ни один из них не был достаточным условием его наступления. В реальности кризис стал возможным благодаря волне неолиберальной идеологии, вдохновленной Милтоном Фридменом и внедренной в жизнь политиками, следовавшими примеру Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана.

Ситуация с глобальным кризисом указывает на необходимость разделять законный собственный интерес, без которого рыночная экономика невозможна, и повальную человеческую жадность, которая является серьезнейшей угрозой существования рынков. Технически можно сказать, что причиной разразившегося кризиса стали такие действия, как отмена в 1999 г. закона Гласа — Стигалла 1933 г. Однако фундаментальной причиной кризиса было постоянное размывание норм самоограничения, которое шло рука об руку с развитием общественной культуры воинствующего индивидуализма. Здесь перед нами встает вопрос: как общественные науки должны моделировать homo economicus, и как это влияет на разработку экономической и прочей политики? В дальнейшем мы подробно обсудим эти темы.

Четвертым, и последним, примером выступает повторение финансового кризиса в апреле 2010 г., когда внезапно до европейских лидеров дошло, насколько близко Греция подошла к государственному банкротству. Греческий кризис заставил нас обратить внимание на высокомерие европейцев, отразившееся в Маастрихтском соглашении, и усвоить две вещи. Во-первых, что критики были правы, когда указывали на несовместимость общей монетарной политики и бюджетных политик в каждой стране. Во-вторых, что мы живем в мире, где политика и ко-

рыстные интересы всегда оказываются сильнее попыток соблюдать формальные правила, которые почему-либо им мешают.

В теории решение греческой проблемы действительно было найдено. Пакт стабильности и роста 1997 г. был подписан как раз для того, чтобы ни один член ЕС не мог выйти за обозначенный предел государственного долга и бюджетного дефицита относительно объема валового внутреннего продукта (ВВП). Если бы все правительства выполняли свои обязательства по договору, кризиса могло бы и не случиться. Однако проблема в том, что правительства преследуют прежде всего свои собственные интересы, и, если эти правительства представляют крупные, сильные страны, их нарушения остаются безнаказанными. Учитывая, что до наступления кризиса и Германии, и Франции было позволено откровенно и безнаказанно нарушить Пакт стабильности, кажется вполне справедливым, что, когда Греции потребовалась помощь, именно Франции и Германии пришлось заплатить больше всех. Вся эта ситуация отражает серьезную морально-этическую угрозу: правительства испытывают искушение нарушать правила и фальсифицировать финансовую отчетность, а кредиторы испытывают искушение умышленно запутывать вопрос в надежде, что в конце концов, когда понадобится, помощь будет получена за счет налогоплательщиков.

Греческий кризис случился вскоре после глобального финансового кризиса, в момент, когда экономика только-только начала приходить в себя, и навлек новые страдания на ни в чем не повинное население. Вспоминая вспышки общественного гнева по поводу готовности правительств во время глобального кризиса оказывать финансовую помощь банкирам, но не населению, интересно отметить, что реструктуризация долга (которую банкиры столь щедро предлагали той же Греции, пока не разразилась беда) даже не рассматривалась как вариант решения проблемы. Приоритетом оставалась защита тех, кто был виноват в произошедшем.

Понятие системного провала будет использоваться далее для описания именно таких событий именно такого масштаба. Изучив, что произошло за рассматриваемые двадцать лет, мы сможем составить впечатление о том, насколько полученные результаты отличаются от ожиданий периода начала новой эры. Ущерб был нанесен существенный, и ничто не предполагает, что

в обозримом будущем мы сможем считать исчерпанным любой из четырех упомянутых выше инцидентов.

Разумеется, из этого вовсе не следует, что близится конец света. В долгосрочной перспективе во всех этих событиях нет ничего уникального. История изобилует примерами финансовых кризисов, этнических конфликтов и гражданских войн, а также случаев непродуманного правительственного вмешательства в экономику. Поводом внимательно изучить именно эти четыре события служит то, что полученные результаты оказались бесконечно далеки от изначальных ожиданий, а также то, что мы все еще продолжаем пытаться понять, что произошло и почему так случилось.

Как уже было сказано, мы хотим отделить свое специфическое понимание системного провала от того простого факта, что запланированное не всегда осуществляется и что политические меры часто влекут за собой непредвиденные последствия. В большинстве случаев, когда это происходит, негативные последствия каким-то образом сглаживаются сами собой. Нас же интересуют иные случаи: случаи, когда происходящее оказывается настолько непредвиденным, что системы и те, кто ими управляет, терпят неудачу. Мы изучим эту тему широко: рассмотрим процессы, которые происходят в долгосрочной, среднесрочной и ближайшей перспективе.

Начав с долгосрочной перспективы, мы рассмотрим случаи стабильно провальных попыток вырваться из тисков неудачных институциональных решений. Провал этих попыток проявляется в том, насколько далеко разошлись в ходе истории траектории экономического развития разных стран, а также в том, как страны третьего мира пытаются и не могут спастись из ловушки бедности и от того неудачного соотношения политических сил, которое приводит к формированию разбойных режимов. Основная сложность в том, что очень многие бедные страны оказались совершенно не восприимчивыми к попыткам — даже самым настойчивым — что-то в них изменить. К примеру, весьма печален опыт оказания помощи зарубежным странам в эпоху после Второй мировой войны. Пытаясь возместить ущерб, нанесенный политикой колониализма, богатые страны направляют в бедные огромный объем помощи, но пока почти ничего не сумели добиться. Программы структурных преобразований были

основаны на теориях агентских отношений и функционализма, но не принесли устойчивого сокращения депривации. Хотя некоторым странам, например Китаю, все же удалось вырваться из бедности. Как правило, это были как раз не те страны, которым больше всего досталось зарубежной помощи.

В среднесрочной перспективе мы имеем два десятка лет, в ходе которых страны Центральной и Восточной Европы пытались совершить переход к демократии, рыночной экономике и правовому обществу. Учитывая, каких различных результатов достигли за это время разные страны, мы вновь можем поставить под сомнение предпосылку об универсальности экономических законов. Деятельностный подход, свойственный «вашингтонскому консенсусу», ограничивался тем, чтобы задать несколько параметров, таких как «правильные права собственности», а затем просто ждать, пока рынок сделает оставшуюся работу. Тот факт, что среди представителей общественных наук до сих пор идут споры о том, что и почему пошло не так, а также о том, *пошло* ли вообще что-нибудь не так, показывает, что мы имеем дело с вопросом первостепенной важности. Опять же случилось так, что лучше других справились с переходом к рынку вовсе не те страны, которые больше всего получали консультаций и помощи извне; прекрасной иллюстрацией здесь служит пример России.

В краткосрочной перспективе мы наблюдаем глобальный финансовый кризис и последовавший за ним кризис в Греции. И тот и другой поражают не только масштабом убытков и политическими беспорядками, но прежде всего тем, что оба кризиса очевидно оказались полной неожиданностью для властей. За исключением нескольких людей, на которых не обратили внимания, никто из власть имущих не предвидел ни первого, ни второго кризиса. С учетом того, какая громадная индустрия занимается сегодня предсказанием поведения рынков, это звучит как приговор. В критический момент, когда предсказания были отчаянно необходимы, системы отказали. Тот факт, что подобное случалось уже много раз, хотя, возможно, и не в таком глобальном масштабе, как сегодня, и, вероятно, еще много раз случится в будущем, подтверждает, что мы столкнулись со всемирной, огромной и важной проблемой.

Наш подход к обрисованным здесь задачам делится на три взаимосвязанные темы. Одна из них связана с верой в понятие

невидимых рук, которые предположительно направляют происходящее в сторону социально желательных последствий. Другая тема — изучение опыта России как важнейшего примера, а третья — исследование того, какие выводы из всего произошедшего должны сделать для себя общественные науки.

Исходя из веры в невидимые руки, начало которой положил Адам Смит, в либеральной традиции существует тенденция считать, что, если не давать правительству вмешиваться в экономику, дела наладятся сами собой. Согласно деятельностному подходу дерегулированные рынки сами собой приведут к экономической эффективности, проведение выборов обеспечит демократию, а написание законов обернется правовым обществом.

Возникающие в связи с этим проблемы расположены на двух уровнях. Первый — уровень отдельных акторов, где вполне разумные предпосылки о собственном интересе приводят к уже менее очевидным выводам о совпадении индивидуального блага с коллективным. Хотя признается, что такое совпадение происходит не всегда, отклонения от него нередко рассматриваются как нарушения, которые должны выправиться сами собой. Поэтому общественные науки уделяют так мало внимания той мотивации, которая определяет, будет актор соблюдать правила или уклоняться от их соблюдения.

На втором уровне — уровне государства — мы обнаруживаем аналогичную веру в собственный интерес, который должен заставить правительства максимизировать коллективное благо, в том числе постепенно оптимизировать налогообложение и обеспечить оптимальное предложение общественных благ, чтобы улучшить деятельность рынков. Все эти усилия должны соответствовать идеалам подотчетности, прозрачности и рационального управления. Однако и здесь мы должны учесть соблазн поставить узкие собственные интересы выше общего блага. Главный вопрос касается того, что может заставить правительство сойти с праведного пути и отправиться по дороге, которая ведет в конечном счете к хищничеству и откровенной клептократии.

Сложность заключается в том, чтобы на обоих уровнях смоделировать обстоятельства, в которых будет предпринято действие, соответствующее или противоречащее коллективному благу. Если мотивы действия описываются в рамках концепции невидимых рук, то логика требует, чтобы в описании присут-

ствовали оба варианта. Ни в том ни в другом случае мы не говорим о силах природы или о генетической предрасположенности, а только о существовании норм, верований и ожиданий, укорененных в традициях, коллективной памяти и культуре в самом широком смысле слова. Хотя нередко исследователи указывают на связь между экономической эффективностью и разными «мягкими» переменными, такими как религия, что может считаться свидетельством того, что «культура имеет значение», такой подход не отвечает на вопросы о причинах происходящего и о возможностях исправить ситуацию.

Вторая из наших трех тем связана с историческим опытом России, который используется в книге как богатый источник иллюстративного материала. Этот выбор обусловлен четырьмя причинами. Во-первых, в России существует давняя традиция антирыночного управления, это позволяет показать, что может произойти на уровне действий индивида, когда правительство запрещает населению свободно заключать договорные контракты на горизонтальном уровне. Во-вторых, в России есть такая же давняя традиция внедрения изменений сверху при пассивном участии населения или при его полном отсутствии, что демонстрирует ограниченность деятельностного подхода к политическому вмешательству. В-третьих, в истории России было несколько случаев и государственного кризиса (в 1598, 1917 и 1991 гг.), и кризиса финансового рынка (в 1998 г.), что может способствовать нашему пониманию причин системного провала. Четвертая, последняя причина использовать опыт России связана с тем, что ее глубокие исторические корни, уходящие в XV в. и еще дальше в прошлое, могут пролить свет на теорию зависимости от пути.

Наша третья основная тема связана с ролью общественных наук и создаваемых ими теорий. Она является главной в книге, и ее задача в том, чтобы соединить уроки, вынесенные из первых двух тем, для достижения общего понимания тех причин, которые приводят к системному провалу, и выводов о том, как следует трактовать эти причины. Главная сложность заключается в понимании мотивов действий, которые на уровне индивидов можно рассматривать как выбор между работой и уклонением от нее либо как выбор между созданием добавленной ценности и чисто распределительной деятельностью. На уровне государ-

ства различие между *поиском* ренты и *предоставлением* ренты может послужить иллюстрацией того, как оказание отдельным людям преференций укореняется в отношениях, построенных на личных связях, что приводит к негативному воздействию на управление.

В общих чертах можно признать, что такие понятия, как *homo economicus*, *homo politicus*, *homo sociologicus* и даже *homo sovieticus*, служат удобными условными обозначениями для наборов базовых предпосылок, определяющих подходы разных общественных наук. Вспомнив, что было сказано выше о невидимых руках, мы можем сформулировать две теоретические проблемы. Одна из них заключается в том, что эти наборы базовых предпосылок фундаментально отличаются друг от друга в вопросах, связанных с действиями индивида. Как надо моделировать деятельность: как инструментально рациональную и дальновидную или же как результат того, что бездумные индивиды находятся в плену у прошлого и не имеют почти никакой свободы для совершения взвешенного выбора? Другая проблема связана с выделением тех компонентов институционального контекста транзакций, которые определяют, что выберет индивид: соблюдение правил или уклонение от них. При каких условиях выбор в пользу уклонения становится настолько распространенным, что наступает системный провал?

Мы начнем с вводного *tour d'horison*¹: обсудим глобальный финансовый кризис в контексте дискуссии о кризисах капитализма, а также предшествовавшую кризису русскую гипердепрессию, которая иллюстрирует, что может произойти, если внезапно освободить рынки. Столь обширный эмпирический контекст нужен прежде всего для того, чтобы осознать всю серьезность проблем, которые будут обсуждаться далее.

Работа над этой книгой началась в 2007 г. во время творческого отпуска, который я провел в Центре российских и евразийских исследований им. Дэвиса при Гарвардском университете. Я отправился туда с намерением написать книгу о новом институционализме и существовании институтов, не поддающихся реформам, немало примеров которых продемонстрировал нам нелегкий постсоветский переход к рыночной экономике. Хотя со

¹ Обзор (*фр.*).

временем я расширил и пересмотрел тему книги, значительная часть материала была собрана именно в это время. Я хотел бы выразить глубокую сердечную благодарность Центру им. Дэвиса, моим друзьям и коллегам, работающим в нем. Особую признательность выражаю Тиму Колтону, Маршаллу Голдману, Лорен Грэм, Марку Крамеру, Тому Оуэну, Ричарду Пайпсу, Тому Саймонсу и Лиз Тарлоу.

Время на то, чтобы собраться с мыслями, появилось у меня благодаря щедрому гранту от Института им. Кеннана при Международном научном центре им. Вудро Вильсона. Этот грант позволил мне весной 2008 г. провести месяц в Вашингтоне, где я также пользовался гостеприимством Института европейских, российских и евразийских исследований при Университете им. Джорджа Вашингтона. Спасибо Блэру Раблу и особенно Джеймсу Миллару, старому и дорогому другу, которого, к сожалению, больше нет с нами. Последние слова благодарности я должен обратить к Роланду Сюи из Института международных исследований им. Фримена Споули при Стэнфордском университете, где я недолго, но очень продуктивно пребывал как лауреат стипендии Анны Линд в декабре 2009 г.

Много коллег помогли мне продвигаться по пути переосмысления и переписывания этой работы. Среди них были четыре анонимных рецензента, которым издательство Cambridge University Press поручило прочесть первый набросок книги. Я также должен поблагодарить Скотта Пэрриса, своего редактора, который терпеливо ждал, когда переписывание рукописи принесет удовлетворительный результат. Среди тех, кто потратил время на прочтение рукописи целиком и дал мне особенно ценные советы, были Арчи Браун, Юкка Гроноу, Филип Хансон, Юджин Хаски, Дэвид Лейн, Томас Оуэн, Ричард Роуз и Хайнрих Фогель. Наконец, я благодарю Нилай Акжамак за помощь в исследовательской работе и подготовке справочных материалов.

Теперь, когда прозвучали все благодарности, нам остается добавить обычную оговорку о том, что автор несет ответственность за все возможные ошибки и упущения в книге, и мы можем погрузиться в мир финансовых рынков, в мир, где движения быстры, а память коротка, где смертельный грех алчности может в эпоху гордыни даже называться добродетелью.

Научное издание
Серия «Экономическая теория»

СТЕФАН ХЕДЛУНД

НЕВИДИМЫЕ РУКИ,
ОПЫТ РОССИИ
И ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА

СПОСОБЫ ОБЪЯСНЕНИЯ
СИСТЕМНОГО ПРОВАЛА

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор
НАДЕЖДА АНДРИАНОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
СВЕТЛАНА РОДИОНОВА
Корректор
НАДЕЖДА АНАНЬЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (495) 611-15-52

Подписано в печать 10.12.2014
Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 26,5
Уч.-изд. л. 22,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1622. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая
Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76,
тел./факс: 8 (496) 726-54-10